

ШУРАВИ

Вера СЛАВСКАЯ.

Слово «шурави» (на афганском «русский») у нас приобрело прямо противоположное значение. Так называют друг друга те, кто нес свою армейскую службу на пыльных дорогах и перевалах Афганистана.

По официальным данным, 13 тысяч наших парней вернулись из Афгана навеки скованными цинковыми мундирами. Девять из них котласские. А еще восьмерых смерть от ранений догнала уже на родной земле. О них напоминают могилы, где, возвращаясь со службы, сегодняшние ребята оставляют свои пилотки и звездочки. О них по сей день плачут матери. О них хранят память, по-прежнему дорожа своим необычным братством, те, кто вернулся с этой войны живым. О них поют песни, слагают стихи, пронизанные болью и злостью. Кто они, русские афганцы, ставшие сегодня почти легендами?

Нельзя сказать, чтобы Володя ничем не отличался от сверстников. Воспитание в семье профессионального военного, курсы парашютистов в школе ДОСААФ, крепкие спортивные мышцы немало порадовали призывную комиссию военкомата – ВДВ!

Мальчишкам 70-х даже в голову не мог прийти вопрос, служить или не служить. Приставка «альтернативная» к слову служба показалась бы им из разряда бредовой фантастики. Наоборот, ребята старались получше подготовиться к армии, и только те, кто отслужил, всерьез считались взрослыми.

Володю из северного Сыктывкара отправили в Витебск. До той ночи, когда полк был поднят по тревоге, прошло немногим больше полугода. Никому из солдат ничего не объясняли, когда сформированные колонны начали перебрасывать под Полоцк. Только в разговорах между офицерами проскальзывало слово «Афганистан». С закрытого военного аэродрома часть отправили под Чимкент. Десять дней предварительной подготовки, включавшей в себя отработку рукопашной, тактику ведения боя, – и 26 декабря 1979 года полк, в котором служил Володя Черемискин, на пятнадцати «горбатиках» (так ребята называли транспортные самолеты ИЛ-76) переправили в Кабул.

Десантирование проходило размеренно и четко. На разгрузку одного борта отводилось 10–12 минут. Казалось, не происходило ничего непривычного, просто выполняли учебное задание, если бы не отзвуки канонады в ночной тишине.

...Последний ИЛ заходил на посадку. Ребята следили за ним глазами с земли. После чудовищной вспышки, разнесшей на куски крылатую машину, наблюдавшие не сразу осознали, что произошло. В брюхе самолета были две бензозаправки, изрядный запас снарядов и... 44 человека личного состава. Началась афганская война.

Потом в жизни Володи были четырнадцать месяцев боевых действий, которые они с товарищами считали просто работой. Даже обстрел территории грозными «вертушками» называли обработкой. Жить приходилось в палатках, отапливаемых «паларисами» (нехитрые сооружения из труб, в которых жгли солярку). Горючего не жалели, боеприпасов было предостаточно. А вот питания хватало не всегда.

Ему повезло. Вернулся живым, избежав даже ранений. Только в памяти навсегда останется убитый на первом марше в двух шагах от него однополчанин. Не забудется чувство недоумения и злости, почему-то появившееся вместо страха. Зеленые мальчишки, они не были готовы к этой войне, представляя ее по фильмам советской эпохи о немецких захватчиках. В Афгане все оказалось по-другому. Невидимая смерть от пули снайпера подстерегала каждую минуту, стоило только покинуть расположение части. Учиться выживать и выполнять смертельно опасные задания пришлось на практике.

– Война тогда не была еще такой жестокой, как в последующие годы или, например, в Чечне, – вспоминает Владимир. – Но все равно у каждого, кто прошел через это, остается надрыв в душе. Мы вернулись оттуда совсем не такими, какими нас провожали родные. Со временем все постепенно стирается, сглаживается. Но что-то приобретенное там остается

навсегда в характере, в отношении к жизни. Мы порой не понимаем чиновников, когда они разводят волокиту. Привыкли, наверное, сами все делать, как положено, поэтому не можем мириться с чьей-то небрежностью.

После демобилизации Владимир приехал в Котлас. Пока он служил, мама перебралась поближе к давней подруге. Отца к тому времени уже не было в живых. Жизнь сложилась достаточно удачно: хорошая работа, любимая семья. Но афганские дороги так и тянутся за ним до сих пор.

Сначала он и его ровесники, вернувшиеся с той войны, просто постоянно общались, поддерживая друг друга. По первому слову помогали родителям погибших ребят, ухаживали за могилами. А с 1997 года организация, объединяющая ветеранов и инвалидов-афганцев, существует официально. Владимир Черемискин работает в ней с первых дней. К «афганцам» присоединились и участники других локальных конфликтов.

Главное в этой работе, как считают сами ребята, – общение. Они понимают друг друга, разговаривают на одном языке, недоступном порой тем, кто не видел жизнь их глазами. Приходится, конечно, и социально-бытовые проблемы разрешать. Сообща это легче. А теперь, имея официальный статус, можно обращаться в любые организации. Местные в просьбах «афганцам» обычно не отказывают. Хуже с государственной системой. Страна, когда-то пославшая этих парней воевать, определила им льготы за то, что погибали, рисковали, возвращались калеками. Они выполнили свои обязательства, а вот по отношению к ним не сделано и половины того, что обещано. Вот и приходится снова вести войну, теперь уже в родной стране – с произволом и бездушием.

...Всматриваюсь в фотографии, сохранившиеся у ребят со службы. Непривычные глазу пейзажи, нелепость военной техники на фоне городских улиц. Но самое невероятное – это глаза людей: афганцев, наших солдат, матерей на могилах. В них все, что невозможно высказать словами и от чего не избавиться душу. Словно сама память тех дней глядит с этих снимков.